

На губах Ли Жуна играла мягкая улыбка, но в глазах застыло неприкрытое презрение. Он не хотел, чтобы Чжан Чжаохэ уходил, так и не осознав истинной причины своего краха, а потому перед самым выходом бросил последнюю фразу:

— Когда вы доводили моих родителей до самоубийства, вы думали, что этот день когда-нибудь настанет?

Услышав это, Чжан Чжаохэ внезапно успокоился. Его недавнее неистовство угасло, а искажённое яростью лицо застыло в язвительной усмешке. Это резкое преобразование сделало его и без того худое, костлявое лицо ещё более уродливым. Теперь он походил на почуявшую кровь гиену, черпающую мимолётное, болезненное удовольствие в чужом горе.

— Так ты всё узнал... — старик глубоко вдохнул, словно сам воздух в зале заседаний вдруг наполнился для него сладостью. — Полагаю, это Хань Цзян тебе напел.

Он расслабился, откинувшись на спинку кресла с видом человека, окончательно сбросившего с себя последние путы человечности. Ли Жун смотрел на него, и внутри закипала трудноподавляемая тошнота. Ему не было больно вновь беречь свои раны, но видеть, как собеседник наслаждается этим моментом, было омерзительно.

Чжан Чжаохэ прикрыл глаза, смакуя триумф, а затем медленно заговорил. Когда он снова взглянул на юношу, его зрачки сузились, став острыми, как у совы, затаившейся в ночной листве:

— Ты ведь и сам прекрасно понимаешь, что именно убило твоих родителей. Сколько бы лжи я ни сплёл, я никогда не смог бы пробить их психологическую защиту. Их убила та самая серая масса, которую они так отчаянно жаждали спасти! И ещё...

Он осёкся и с удовлетворением зажмурился, задрал голову к потолку. Подняв палец, указывая куда-то вверх, он разразился тихим, зловещим смехом:

— Ты знаешь, кто в конечном итоге сделал всё невозможным? Кто позволил общественному мнению нестись под откос без тормозов? Это были «они» — те, что молчаливо взирали со стороны со своим напускным благородством.

Для них все мы — лишь незначительные единицы, будь то прославленный профессор или студент из низов. Чужая боль и горести не заслуживают ни внимания, ни утешения. Я их не заслуживаю, но и Ли Цинли — точно так же. Иронично, что те же самые «незначительные единицы» научились лишь равнодушно наблюдать, наивно полагая, будто подобный «подарок» никогда не упадёт им на голову.

К счастью, я разглядел истину на десятилетия раньше твоего отца. Никто не достоин спасения или жертв. Человеческая природа уродлива: её можно лишь использовать, попирать и осквернять. Я могу быть виноват перед кем угодно, но только не перед самим собой!

Старик с силой ткнул пальцем себе в грудь, в область сердца, и его костлявые плечи задрожали от смеха. Он раз за разом надавливал на это место:

— Сюда... Когда те, кому ты доверял, наносят удар за ударом — прямо в сердце, пока ты открыт и беззащитен... Человек теряется. Он впадает в ступор, начинает сомневаться в себе, хочет сбежать. Я лишь дал им ключ от двери, ведущей к освобождению. Я помогал им!

Этот мир слишком грязен и безобразен, он недостойн таких чистых людей, как Ли Цинли. Болезни — это чистящее средство для мироздания. Они просто выметают мусор, который тошнит от самого себя. Зачем было спасать их, если в итоге всё пришло к этому? Зачем?! Какая бессмысленная, глупая доброта!

Он смотрел на Ли Жуна, но в его глазах, казалось, видел отражение покойного Ли Цинли. Сквозь этот взор он яростно кричал исчезнувшей душе — кричал от непонимания и боли. Он ведь столько раз предупреждал друга: «Не делай этого, оно того не стоит». Но Ли Цинли ему не верил.

Видя, как чистую, беззащитную душу попирает мерзкая человеческая натура, он ощущал тошноту, но в глубине его существа при этом зрело тёмное удовлетворение.

«Кто просил тебя не верить мне? Ты должен был послушать меня ещё тогда!»

Ему безумно хотелось схватить Ли Жуна за плечи, впиться взглядом в его глаза, так похожие на глаза отца, и спросить: «Ты жалеешь? Ну же! Ты жалеешь, что не верил мне?!»

Но ответа он никогда не услышит.

Он своими глазами видел, как Ли Цинли и Гу Нун погибли в ту ночь. Он проводил единственных людей, которые были чужды этому миру, и после них не осталось никого, кто заслуживал бы его жалости, колебаний или привязанности.

Но именно с той ночи в нём окончательно погасла последняя искра надежды на человечность. Если даже Ли Цинли закончил так, значит, ждать здесь больше нечего.

Ли Жун холодно взирал на него, и в прозрачной глубине его зрачков отражались лишь предсмертные конвульсии разума противника.

— На самом деле вы очень любили моих родителей, — негромко произнёс юноша. — Вам нравилась их неукротимая жизненная сила, их внутренняя чистота. Вам нравилось, как легко

они верили людям и как искренне к ним относились. Вы жадно грелись в этом тепле, словно в глубину ледяного, тёмного колодца внезапно заглянул луч солнца.

Но в то же время вы ненавидели их. Ненавидели за то, что рядом с ними вы переставали быть самим собой. Они заставляли вас сомневаться в собственной ненависти, в праве на месть. Вы видели в них опиум, посланный миром, чтобы усыпить вашу бдительность, заставить забыть о мучительном прошлом. И поэтому вам нужно было, чтобы они погибли. Вы хотели вырваться из этого наваждения.

В конечном счёте вы — просто эгоистичное, уродливое ничтожество с исковерканной психикой. Не ищите оправданий в высоких материях. Мир грязен лишь потому, что в нём существуют такие, как вы. И уйти из него должны именно вы — и вам подобные.

Чжан Чжаохэ на миг замер, словно очнувшись, и окончательно успокоился. Глаза Ли Жуна и Ли Цинли были невероятно похожи — и в то же время разительно отличались.

Ли Жун не был своим отцом. Его взгляд был ледяным, настороженным, в нём скрывался холодный расчёт. Это был яд, упакованный в прекрасную оболочку. В то время как глаза профессора Ли всегда оставались нежными, чистыми и тёплыми, напоминая солнечный свет, лишённый всякой агрессии.

С Ли Жуном ему не нужно было проявлять никакого милосердия.

Старик пожал плечами. Его посиневшие губы разошлись в усмешке, а дряблая кожа на лице собралась в глубокие складки:

— Я не признаю поражения. Всё ещё только начинается.

— Хм... — Ли Жун взглянул на экран телефона, проверяя время, и с сожалением покачал головой. — Уже поздно. Солнце зашло.

Солнце действительно скрылось за горизонтом. Последние всполохи алого заката исчезли, оставив после себя лишь густую синеву, на фоне которой удивительно чётко проступили очертания далёких гор.

Ли Жун бросил эту, казалось бы, будничную фразу и, пройдя мимо собеседника, вышел из зала заседаний.

В сгущающихся сумерках, под бездонным синим небом, безмолвно цвели нарциссы — их лепестки сияли белизной, источая густой аромат.

Вдруг Чжан Чжаохэ бросился к ним. Его пальцы впились в нежные цветы, безжалостно разрывая их в клочья. Стебли дрожали под его яростным натиском, лепестки разлетались в

стороны, превращаясь в грязное месиво.

Он опустил руки. Обрывки цветов посыпались с его ладоней на пол. Глядя на уходящий вечер, старик лихорадочно шептал себе под нос:

— Ещё рано... Это ещё не конец...

Спустя два дня в исследовательском институте «Хунсо» во всех местах, где раньше стояли нарциссы, их заменили на незабудки. Маленькие сине-фиолетовые цветы выглядели скромно и кротко; их аромат был едва уловим — они ничего не требовали и ни с кем не состязались в своей хрупкой красоте.

Ли Жун вышел из здания института и вызвал такси. Водитель, обернувшись, спросил:

— Куда едем?

— В общежитие Университета А... Нет! — юноша запнулся и на мгновение задумался. — В жилой комплекс «Чанцзели».

Там, в «Чанцзели», жили тётя Хуэй и Шэнь Гуй.

Выйдя из машины, Ли Жун зашагал по разбитому асфальту, аккуратно обходя лужи и перешагивая через кучи мусора, который никто не спешил убирать. Он дошёл до нужного дома и остановился у мусорных баков, задрал голову вверх.

Этот жилой комплекс был слишком старым. Стены зданий давно почернели, а железные решётки на окнах покрылись толстым слоем ржавчины.

Он смутно помнил, что через несколько лет Университет А разработает масштабный план реконструкции, согласно которому все ветхие постройки в этом районе пойдут под снос.

«Чанцзели наверняка попадёт в этот список, — подумал он. — Тогда жильё здесь резко подскочит в цене».

Ли Жун начал подниматься по лестнице. Сюй Танхуэй и Шэнь Гуй сидели у входа в квартиру, чистили стручковую фасоль и негромко переговаривались. Тунтун устроилась рядом на маленькой скамеечке, стараясь сосредоточиться на уроках.

Девочка оказалась на редкость глазастой и сразу заметила гостя. Бросив ручку, она с

радостным криком подбежала к нему и обхватила его за ногу:

— Брат Ли Жун! — прозвенел её тонкий, сладкий голосок.

Юноша наклонился и нежно потрепал Тунтун по щеке. Кожа у ребёнка была нежной и свежей, она лучилась искренностью и той самой жизненной силой, которой ему сейчас так не хватало. Ему нужно было это осязаемое, живое присутствие, чтобы противостоять холодному безразличию, раз за разом поднимавшемуся из глубин души.

Тунтун прижалась к нему всем телом, болтая ножкой:

— Брат Ли Жун пришёл навестить меня?

Ли Жун кивнул и улыбнулся:

— Конечно.

— Ура! — Тунтун была совершенно счастлива.

Шэнь Гуй вытерла руки и, опираясь на колени, поднялась. Она взглянула на него с глубокой благодарностью в глазах:

— Тунтун уже два месяца не принимает Цзякэтин, но её состояние не ухудшается. Позавчера мы были на обследовании — врачи говорят, всё в норме, она ничем не отличается от обычных детей. Я решила не переезжать. Здесь уровень образования повыше... Думаю открыть лоток с едой, буду продавать нашу домашнюю лапшу. Если дело пойдёт, буду зарабатывать в два раза больше, чем сейчас...

Ли Жун прищурился от улыбки, приобняв девочку за плечи:

— Да, оставайтесь. Кто знает, может, скоро этот район решат снести и перестроить — тогда ваша квартира сразу вырастет в цене.

Шэнь Гуй слабо улыбнулась, её голос слегка задрожал:

— Спасибо тебе. Ты спас и меня, и Тунтун.

Сюй Танхуэй быстро шмыгнула в комнату, сполоснула руки и вынесла Шэнь Гуй пачку бумажных платков:

— Ну чего ты вдруг расплакалась? Не пугай ребёнка.

Ли Жун повернулся к Сюй Танхуэй и негромко произнёс:

— Тётя Хуэй, скоро я смогу вернуть вам ваше доброе имя.

Женщина на мгновение замерла. В её взгляде промелькнул испуг, который она тут же попыталась скрыть. Она начала машинально вытирать руки о край одежды — снова и снова, — а затем, опустив голову, тихо проговорила:

— Ли Жун... Многие свидетели тех событий четырнадцатилетней давности всё ещё работают. Если сейчас рассказать правду...

Она уже знала всю подоплёку дела: знала, почему её оклеветали и почему Девятый район так упорно хранил молчание. Всё сводилось к одному — она была «незначительным» человеком. Жертва одной маленькой жизни ради спокойствия системы казалась им вполне оправданной.

У каждого из тех людей были свои цели и корыстные интересы. Она же оказалась на самой периферии — лишённая голоса и понимания того, что происходит.

Когда-то она была в ярости, но с годами пришло смирение. Она читала много книг и знала, что история полна подобных несправедливостей. Такова реальность.

С точки зрения системы они — лишь пылинки. Но стоит попытаться вытащить правду на свет, как это вызовет непредсказуемую цепную реакцию. В том деле были замешаны не только Чжан Чжаохэ и корыстолюбивый Хань Цзянь, но и руководство Университета А.

Стоит правде вскрыться — и репутация отряда «Призрачный глаз», которым теперь руководит Цэнь Сяо, и престиж Университета А будут растоптаны. Неизвестно, сколько времени потребуется, чтобы вернуть доверие общества.

Ей не было жаль тех, чужих людей. Но в «Призрачном глазе» теперь Цэнь Сяо, а в Университете А учатся Ли Жун, Цзянь Фу и Цзи Сяочуань. Ей было не всё равно, что станет с теми, кто был ей дорог.

Ли Жун со вздохом покачал головой:

— Тётя Хуэй, не берите в голову. Каким бы ни был исход, они получают лишь то, что заслужили.

Сюй Танхуэй подняла на него глаза, полные сомнений:

— А как же Цэнь Сяо? Он ведь только-только возглавил отряд, и тут такое... Людям ведь всё равно, кто такой Хань Цзянь, они будут костерить весь «Призрачный глаз». И ему придётся расхлёбывать эту кашу!

Юноша на мгновение замолчал, а затем серьёзно произнёс:

— Тётя Хуэй, прошло четырнадцать лет. Жертва имеет право на справедливость. Пожалуйста, хватит жертвовать собой ради других.

Глаза женщины мгновенно наполнились слезами. Она так долго жила с этим чувством, что со временем почти забыла, каково это — быть обиженной и обманутой. Но однажды Ли Жун появился у её лотка и пробудил в ней надежду.

Судьба — удивительная штука. Она могла проработать в Университете А до конца своих дней, так и не дождавшись справедливости, но Ли Жун просто появился в её жизни. Она доверилась ему, помогала, чем могла, и вот теперь они пришли к этому дню. Сюй Танхуэй знала: раз он пообещал восстановить справедливость, то сделает это любой ценой.

Женщина медленно кивнула, с трудом сдерживая всхлипы:

— Хорошо... Хорошо...

Вечером Цэнь Сяо заехал за Ли Жуном в Чанцзели.

Тот успел поужинать у тёти Хуэй — Шэнь Гуй приготовила тушёную лапшу с зелёной фасолью и свиными рёбрышками по рецепту её матери. Вкус был потрясающий, ничуть не хуже, чем в дорогих ресторанах.

Ли Жун немного переел, так что сон не шёл. В итоге они с Цэнь Сяо долго и упорно тратили накопившуюся энергию, и лишь приняв душ, он обессиленно растянулся на кровати.

Прислонившись к груди Цэнь Сяо, Ли Жун скользнул по нему взглядом и, положив голову ему на плечо, спросил:

— Когда правда всплывёт, у тебя будет много хлопот?

Тот погладил его гладкое плечо и негромко подтвердил:

— Угу.

Ли Жун вздохнул:

— Тётя Хуэй очень боится доставить тебе проблем.

— Это неважно, — отозвался Цэнь Сяо. — Девятый район слишком долго витал в облаках. Нам всем нужна хорошая встряска, чтобы наконец спуститься на землю.

Ли Жун потёрся щекой о его плечо, затем сел и заглянул собеседнику в глаза:

— Знаю, я не должен этого говорить, но всё равно чувствую...

Чувствую вину перед тобой.

На самом деле он подумывал о том, чтобы раскрыть правду раньше — чтобы Хань Цзяну пришлось разгрести последствия до своего ухода. Но в таком случае реакция Девятого района могла выйти из-под их контроля. Чтобы всё прошло идеально, в «Призрачном глазе» всё должно было подчиняться Цэнь Сяо. Всё: от извинений и компенсаций до пересмотра устава.

Но выходило так, что именно Цэнь Сяо принимал на себя основной удар. Ли Жуну было до боли жаль его.

— А я чувствую себя по-настоящему счастливым, — Цэнь Сяо притянул Ли Жуна к себе и нежно коснулся его губ. — Жить, сражаться рядом с тобой, шаг за шагом добиваться своих целей... Никогда прежде моя жизнь не казалась мне такой осмысленной. Знай я это раньше, я бы полюбил тебя в ту же секунду, как впервые увидел.

От его поцелуев глаза Ли Жуна повлажнели, а дыхание сбилось, но он всё же не удержался от шпильки:

— Когда ты увидел меня впервые, я был всего лишь младенцем на руках у родителей.

Цэнь Сяо негромко рассмеялся:

— А сейчас ты разве не на руках у меня? Какая разница?

В глазах Ли Жуна мелькнуло лукавство. Он сел на колени Цэнь Сяо и, прикинув к его уху, прошептал:

— Огромная разница. Теперь я на руках у мужа.